

мя» пока не позволяет объективно разобраться в происшедших трагических событиях. Именно поэтому автор и прибегает к использованию антитезы – с ее помощью можно ясно, четко разделить старую Россию и Россию новую, показать преимущества одной и недостатки другой. Еще не пришло время спокойной оценки происшедших событий, еще живы в памяти революционные события, поэтому антитеза должна именно противопоставить две России, два мира. Антитеза, контраст в данном случае усиливает центральную мысль о трагедии 1917 года и необходимости ее преодоления.

Задача Воейкова – попытаться представить собственный анализ происшедшего, предостеречь новое поколение от радикальных мер усовершенствования порядка, отсюда и нарочитое противопоставление постреволюционной России («Совдепии») и России, которая была потеряна поколением начала XX века.

ЛИТЕРАТУРА

1. Воейков В. Н. С царем и без царя: Воспоминания последнего дворового коменданта государя императора Николая II / В. Н. Воейков // М.: Воениздат, 1995. – 431 с.: ил. – («Редкая книга»).

2. Словарь литературоведческих терминов. Ред.-сост.: Л. И. Тимофеев и С. В. Тураев. М., «Просвещение», 1974. – 509 с.

*Куклева К.А. (Россия, Самара)
Научный руководитель Голубков С.А.*

КРАЙНИЕ ФОРМЫ ОБЩЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ОДИНОЧЕСТВА КАК ТЮРЕМНО-ЛАГЕРНЫЙ ОПЫТ (По материалам произведения самарского писателя А. Олеха «Безымянлаг»)

А. Синявский в работе «Я и Они» раскрывает формы проявления личности и ее социальной практики в условиях лагеря. Произведения отечественных писателей посвящены именно этой, лагерной тематике. Одним из последних произведений выступает «Безымянлаг» самарского писателя Андрея Олеха (2016): он по-своему, с точки зрения современника, демонстрирует человека как заложника системы советского лагерного мироустройства. Сложные межличностные отношения, основанные на крайних формах общения, между руководителями, вохрами и заключенными в романе позволяют зафиксировать внимание читателя на этическом аспекте человеческой несвободы.

Ключевые слова: *лагерь, советская лагерная система, крайние формы общения, взаимодействие «я»-«они», заключенный, зэк, руководящие должности, охранники, вохры, презрение, несвобода, война, борьба, исторический фатализм, рабочий фронт.*

В статье «Я и Они» 1975 года Андрей Синявский рассуждает о крайних формах общения в условиях одиночества на примере тюремно-лагерной практики. Положение заключённого приравнивается «к положению безвыходности» [2, с. 245] на языковом уровне, уровне общения и всей жизни.

Естественное взаимодействие в данной сфере из «я»-«ты» переходит в порядок взаимодействия «я»-«они». Участники такого диалога, несущие статус «они», стирают своё собственное «я». Оно становится частью «безличной, чужеродной категории Они» [2, с. 247]. Соответственно, и формы общения внутри данной сферы участниками общения «облекаются в вызов, в оскорбление, в насмешку, в передразнивание» [2, с. 247].

Так или иначе крайние формы поведения проявляются в сюжетной линии произведений лагерной прозы. Сюда можно отнести прозу В.Шаламова и А.Солженицына, мемуары О.Волкова «Погружение во тьму», «Кочевание до смерти» В.Максимова, «Зона: записки надзирателя» С.Довлатова, «И одна – моя – судьба» Л.Финка, «Безымянлаг» А.Олеха и другие произведения отечественной литературы, посвященные этой теме.

В 2016 году самарский писатель Андрей Олах, выпускает книгу-мифологию городских окраин и первую часть будущей трилогии о Безымянке «Безымянлаг». Произведение новой волны лагерной прозы не автобиографично: сюжет выстраивается на воспоминаниях и фактах, почерпнутых из различных источников, – архивных, художественных и из интернет-сети.

Лагерь является местом действия персонажей и декорацией происходящих в книге событий.

Персонажами произведения являются заключенные и вольнонаемные работники. Уже с первых страниц романа мы наблюдаем, как и последние попадают «под стражу» лагерного мироустройства, которое, как оказывается, выходит за рамки собственно лагерного и расширяется до государственного, а затем и общечеловеческого уровня проблемы человеческой несвободы и крайних форм общения на фоне этой несвободы.

Произведение открывает завесу лагерно-рабочего мира в период ВОВ. «Война» становится неотъемлемой частью романа. Но это не сражение против немецких войск, а борьба с «себепоподобными», с представителями советской лагерной системы, а значит, и с самим лагерем, и с самим устройством государства, и со всем миром. Борьба за выживание в условиях развернувшейся «войны» (настоящей и мнимой) руководствуется крайними формами общения людей друг с другом.

Борьба эта безмолвная, односторонняя и, соответственно, неразрешимая. С другой стороны, это еще и нескончаемая битва против своего собственного «Я». И если в первом случае всегда есть победители, то во втором – все иначе. Мечтают герои романа об одном и том же: об отправке на фронт. Лагерь же считается «рабочим фронтом» [1, с. 201].

Действия заговорщиков, виновных в смерти Зимонина, а затем и Неверова подобны проявлению прогностической модели, к которой инстинктивно при-

бегают биологические существа – животные, во время ловли своей добычи. По приказу Чернецова бывший зэк Витя загоняет Зимонина в угол, где подстерегает его с острым лезвием с целью расправы. Зэк перерезает горло уже мертвому Зимонину.

Сам же начальник штаба Чернецов Геннадий Аркадьевич о рабочих и заключенных выражается следующим образом: *«Уголовщина, воры и враги народа, не могут они ни жить по-человечески, ни трудиться»* [1, с. 21].

Свести обозначение социального статуса лагерных работников (всех без исключения) можно, упомянув фразу начальника Безымянлага: *«машина производства»* и *«строительства»* [1, с. 198]. И машина эта *«простаивать не должна»* [1, с. 198].

На первых план писатель выводит характеры, которые изображены с нарочитой долей презрения к «себеподобным». Понятие власти руководящих должностей наделено релятивистским началом: все может поменяться в одно мгновение, и вот уже присланный из Москвы НКВДшник, презрительно отвергающий уклад лагеря на Безымянке, оказался в бараке и прослыл за заключенного, а главный инженер убит. *«Здесь вообще хороших немного – то ли место такое, то ли приезжают такими»* [1, с. 254], – делает вывод водитель Миша.

Отношение вохров к заключенным резко негативное: *«Ничего, пройдет ваше время, как вас, тварей, прикормили, так же к стенке поставят»* [1, с. 233]. Факт подмены социальных привилегий выражается в том, что зэки блатной бригады имеют ряд снисхождений, недоступных рядовым работникам охраны.

За год работы над постройкой ТЭЦ инженер Зимонин успел усомниться не только в правдоподобности советских газетных цитат о *«самоотверженном труде рабочих авиационной промышленности»* [1, с. 142], но и в устойчивости собственного внутреннего мира.

Утро 29 ноября 1941 года инженер Александр Константинович, видя перед собой *«черную, уродливую землю, изрытую котлованами, перерезанную шпалами, вытоптанную людьми»* [1, с. 75], думает о новом городе на этом месте, в котором когда-то будут жить люди.

Автор воссоздает картину становления гармонии в советские годы, которая, по ее нерушимому закону, должна породиться *«из хаоса и грязи»* [1, с. 75]. Зимонин, выросший в Петербурге, хранит в себе память об этом вечном, циклично повторяющемся законе мироздания, – его город *«тоже вырос на косях»* [1, с. 77].

Устойчивость существования лагерной системы выражается словами Берензона: *«Безымянка ведь не исчезнет вместе с нами. Мы – те, кто мы есть, и делаем то, что должны, там, где оказались»* [1, с. 155].

Седой зэк – один из двух персонажей, которым удастся выбраться на свободу и совершить побег из Безымянлага. Его можно причислить к типу современного супергероя, который любыми доступными и недоступными способами борется со злом и в итоге одерживает победу. При этом он является частью

этого зла. По словам самого Андрея Олеха, такой «хэппи энд» необходим современному читателю: автор просто не имеет права оставить его без надежды.

Роман о лагере на Безымянке – это не олицетворение исторического фатализма, а попытка вклада в неразрешимый мир конфликтов как внутри самого человека, так и между людьми посредством изображения горизонтальных и вертикальных типов их коммуникации в условиях несвободы.

Крайние формы общения персонажей произведения уже с первых страниц становятся данностью общей атмосферы происходящего, поэтому элементарное право на сохранение жизни позиционируется как тщетная попытка проявления свободы воли в условиях некой обременительной предопределенности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Олех А.Ю. Безымянлаг. М.: «Э», 2016. 352 с.
2. Синявский А.Д. Литературный процесс в России. М.: РГГУ, 2003. 418 с.

*Е.Н. Ломкина (Россия, Самара)
Научный руководитель Е.А. Нечаева*

ФУНКЦИИ НАУЧНОГО ДИСКУРСА В РАССКАЗЕ В.О. ПЕЛЕВИНА «МАРДОНГИ»

В статье рассмотрена специфика использования научного дискурса в художественных произведениях конца XX – начала XXI в.в. на примере наиболее репрезентативного текста В.Пелевина. Показано, какие функции приобретает формализованный язык науки, будучи использованным в художественных целях. Рассмотрены механизмы деконструкции дискурса русской классической литературы, а также специфика «саморазоблачения» научного дискурса.

Ключевые слова: В.Пелевин, научный дискурс, симулякр, постмодернизм, ритуализация, метарассказ.

С точки зрения теоретиков постмодернизма второй половины XX века, в каждую историческую эпоху отдельные дискурсы претендуют на звание непреложной Истины; характеризуя эпоху постмодерна, Жан-Франсуа Лиотар назвал такие дискурсы «объяснительными мифами», или метарассказами [2, с. 11]. Под этим определением понимаются речевые практики, предлагающие «готовую модель мира» и несущие абсолютное знание о его устройстве. В русскоязычной литературе второй половины XX века «абсолютами» считались советский идеологический дискурс и язык русской классической литературы. Исходя из того, что ни один дискурс не может быть сакрализован и назван «объяснительным мифом», писатели второй половины XX – начала XXI в.в. стремились преодолеть тотальность отдельных речевых практик.